

Болонский процесс в России: плюсы и минусы

С. И. ПЛАКСИЙ

(НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА)

В статье перечисляются проблемы применения целей и задач Болонского процесса к российской образовательной системе. Автор отстаивает необходимость модернизации высшего образования в стране, но с разумным принятием нововведений, без перегибов и ломки устоявшихся традиций.

Ключевые слова: Болонский процесс, высшее образование, традиции, бакалавриат, специалитет, реформа.

В начале я уточню, что позиционирую себя как сознательного сторонника Болонского процесса. Кто будет возражать против «Европы Знаний», создания европейского пространства высшего образования, наделения граждан необходимыми компетенциями для встречи вызовов нового тысячелетия? Кто будет спорить с положениями о конкурентоспособности, независимости и автономии университетов, мобильности граждан с возможностью их трудоустройства и свободного передвижения, европейском сотрудничестве в обеспечении качества образования, совместных программах обучения? А кто будет отвергать необходимость достижения большей совместности и сопоставимости систем высшего образования? Все эти положения — выдержки из Болонской декларации. Разумные доводы против изложенных задач и принципов найти сложно. Тем более что во всех документах по Болонскому процессу говорится

о «полном уважении» (здесь и далее подчеркнуто мною. — С. П.) к различию культур, языков, национальных образовательных систем и автономии университетов».

Цели и задачи благие. На деле же хорошо все написано, но вот реализуются они весьма противоречиво. В России образовательными властями из контекста и логики Болонского процесса вырываются отдельные направления (прежде всего переход на базовое четырехлетнее обучение под названием «бакалавриат») и лишь обозначаются или называются многие другие. По ряду основополагающих позиций Болонского процесса российская высшая школа вообще идет в противоположном направлении. Так, Болонская декларация предполагает все большую «независимость и автономность университетов». В ней записано, что в «фундаментальных принципах» «важнейшим является то, что независимость и автономия университетов позволяют в системе обра-

зования... непрерывно учитывать изменения требований времени, запросы общества и новые научные достижения».

В России же последние десять лет автономия все более урезается, а независимости не было и нет. Об этом свидетельствуют все изменения в законодательстве за последние десять лет, которые, как правило, направлены на ужесточение требований к вузам и на изъятие ранее существовавших либеральных норм законодательства 1992–1996 гг. Многочисленные нормативные документы Министерства образования — это сплошная мелочная регламентация, не допускающая даже намека на возможность независимости и автономии вузов. Это относится, в том числе, к негосударственным вузам. Вот вам и реализация фундаментального принципа Болонского процесса «автономии и независимости университетов».

Ключевой задачей Болонского процесса называется *мобильность студентов и преподавателей*, которая способствует повышению качества, признанию квалификаций, выбору наиболее подходящей образовательной траектории. В Декларации о европейском пространстве высшего образования, принятой в марте 2010 г., содержится призыв «наращивать усилия... с целью активизации мобильности преподавателей и студентов». В предыдущем коммюнике от 28–29 апреля 2009 г. вопросам мобильности посвящен целый раздел. В нем говорится, что *мобильность повышает качество программ* и научных исследований, поэтому необходимо расширение мобильности, обеспечение ее высокого качества и диверсификация ее типов и масштаба. Ставится задача, чтобы к 2020 г. не менее 20% выпускников вузов прошли обучение или провели научные исследования за рубежом. Группе по контролю за ходом Болонского процесса на период до 2012 г. предложено продвигать пять приоритетов. В трех из них называется *мобильность*. Говорится о необходимости ее мониторинга, развитии инструментов контроля, открытии новых «*окон мобильности*».

Что в этом плане делается в России? Почти ничего. За небольшим исключением мобильность студентов и преподавателей отсут-

ствует, и на ближайшие несколько лет существенно усилить работу в этом направлении реальных, конкретных планов нет. Возьмем Национальный доклад 2007–2009 гг. Российской Федерации по Болонскому процессу. Там этой теме посвящено пять страниц. Конкретно говорится, что около 25 млн долл. в год выделяется на развитие мобильности, 100 стипендий Президента РФ — на обучение в течение года в любом университете мира; есть план приема иностранных граждан. Всего в России учатся около 100 тыс. иностранцев. Из них 41 тыс. чел. — из стран СНГ и Балтии, около 3 тыс. чел. — из стран Восточной Европы, и около 5,5 тыс. чел. — из стран Западной Европы. Но это те, кто учится с первого по последний курс. Приезжающих из-за границы в Россию на один-два семестра буквально десятки, ну, может быть, сотни студентов. Уезжают на тот же срок две-три сотни. Мало того, и внутри России студенческая, да и преподавательская мобильность буквально единична. Готовя данную статью, я поручил своему помощнику обзвонить около двух десятков ведущих вузов Москвы с вопросом о возможности приехать из другого города России или Европы и поучиться один-два семестра. Только в двух (РУДН и НИУ ВШЭ) подтвердили такую возможность, да и то с большими оговорками. А в остальных вузах недоумение вызвало само такое желание. Возможным назывался только перевод для дальнейшего обучения.

На уровне страны в целом и подавляющего большинства вузов нет ни нормативной базы, ни механизмов, ни структур, ни практики мобильности студентов и преподавателей. Таким образом, по одному из ключевых направлений Болонского процесса в России почти ничего за восемь лет вхождения в него не делалось и не делается. Естественно, тому есть как субъективные, так и объективные причины. Кстати, и в Национальном докладе 2007–2009 гг. по Болонскому процессу в России делается такой же вывод, хотя и в более обтекаемой формулировке. Тем не менее отмечается «*неготовность*» участвовать в «программах мобильности», и это называется одним из главных вызовов для российской высшей школы.

В разных направлениях в единой Европе и в России *развиваются усилия по обеспечению качества*. В коммюнике Европейских министров в апреле 2009 г. говорится о том, что качество должно проходить внешнюю оценку с учетом мнения всех заинтересованных сторон.

В развитых странах вводятся преимущественно *децентрализованные механизмы и процедуры обеспечения качества образования*. В их основе: самооценка; внешний, желатель но международный, аудит качества; аккредитация независимыми организациями; публичность всех процедур и результатов оценки качества; обеспечение прозрачности управленческой и финансовой деятельности вузов; переход к реализации концепции «управление качеством образования». В Коммюнике Берлинской конференции министров образования (апрель 2004 г.) отмечалось: «Подходы к оценке, которые опираются на стандарты, количественные методы, наборы критериев или опросные листы, не приведут к заметному повышению качества». В Коммюнике выдвигается требование «устранить засилье бюрократии, обременительные механизмы оценки качества и аккредитации».

В отличие от большинства стран — участниц Болонского процесса в России в вопросах обеспечения качества наблюдаются *прямо противоположные процессы*. А именно засилье бюрократии, обременительные механизмы оценки качества и аккредитации, опора на стандарты, количественные методы, наборы критериев. Аккредитация и лицензирование становятся все более жесткими, сложными и многоаспектными. Такой практики нет ни в одной развитой стране мира.

В спорах о продвижении Болонского процесса в России на первое место всегда выходит введение в высшее образование системы «бакалавр — магистр».

Вся логика апологетов двухуровневого подхода с базовым четырехлетним бакалавриатом сводится к нескольким постулатам: «мы подписали Болонскую декларацию и обязаны ее выполнять», нужна «подготовка кадров широкого профиля», необходимо «эффективно использовать бюджетные средства», «ба-

калавриат обеспечит возможность успешной работы», «диплом российских вузов станет пользоваться признанием в странах Европы».

Но за счет чего все это произойдет? В ответ только лозунги и бездоказательные утверждения при отсутствии внятной аргументации.

Почему вопрос об уменьшении количества лет в базовом высшем образовании становится определяющим, а содержание образования остается на втором плане? *Ведь главное то, чему, как, кто, кого и ради чего обучает*. Количество лет обучения должно определяться тем содержанием, которое оптимально достаточно.

За счет чего при сокращении сроков обучения должно повыситься качество образования? Ответ на этот вопрос такой: за счет *компетентностного подхода*. Но на деле о более высоких компетенциях выпускников бакалавриатов можно лишь мечтать. Это голая маниловщина. На самом деле профессиональная пригодность бакалавров существенно снизится.

В среднем уменьшение объема подготовки бакалавров в сравнении со специалистами в теоретическом обучении составляет примерно 1500 часов (от 1000 до 2600). Значительное сокращение идет и по практикам в ходе учебного процесса. Реально у бакалавра производственная практика минимизирована до преддипломной (4–6 недель) то время как ныне у специалистов практики составляют 12–16 недель. Но именно на производственных практиках реально осуществляется формирование компетенций у обучающихся.

При реализации вузами программ бакалавриата под сокращение попадает значительное количество общепрофессиональных дисциплин, массово ликвидируются дисциплины специализации. Недавно на одной из конференций ректор Ветеринарной академии рассказывал, что специальная подготовка ветеринаров в связи с переходом на четырехлетний бакалавриат уменьшается на 40%. И о каком качестве подготовки ветеринаров идет речь?

Ну вот ликвидируем пятилетнее обучение. И что произойдет? Просто 70–75% студентов будут изучать меньшее количество дисциплин и в меньшем объеме. И новые стандарты — это

урезанные старые с добавлением новых терминов. Ясно уже сейчас, что из бакалавриата будут выходить молодые люди с более низкой профессиональной подготовкой. Даже один из главных энтузиастов и «толкателей» скорейшего утверждения в России четырехлетнего высшего образования Я. И. Кузьминов признает, что «фактически на уровне бакалавриата студенты получают не профессиональное, а общее высшее образование. Востребованный рынком набор компетенций выпускника — бакалавра включает скорее общую культуру, коммуникабельность и способность к быстрой адаптации, чем конкретные знания» (Кузьминов, 2007: 9). Но ведь степень бакалавра согласно болонским толкованиям должна давать возможность работать по специальности. И здесь мы видим ключевое противоречие.

Итак, что мы реально получаем в результате перехода от пятилетнего высшего профессионального образования к четырехлетнему? *Общее высшее обрезанное образование* с резко уменьшенной специальной профессиональной подготовкой и практикой. Есть мнение, что обрезание полезно. Но если обрезание происходит на одну пятую продолжительности обучения, исчезнет специализация. Что будет? *Будет полный бакалавриат.*

Критика практики осуществления Болонского процесса значительна во всех европейских странах. Например, в Германии в связи с протестами и возражениями по Болонскому процессу 17 мая 2010 г. министр образования Аннета Шаван созвала представителей федеральных земель, вузов, профсоюзов и студенческих советов. В ответ на критику о понижении качества образования в связи с переходом на бакалавриат правительство ФРГ на улучшение Болонского процесса выделило дополнительно 2 млрд евро.

Продуманное, постепенное и последовательное введение элементов Болонского процесса полезно российскому высшему образованию. Но резкая и насильственно насаждаемая сверху смена всей системы по англо-американскому шаблону — это *западня для России*, которая приведет к слому существующего, но требующего капитального ремонта и действительной модернизации высшего образования.

Последствия будут примерно такие, как если бы в правительстве решили *сменить в стране православие на католицизм.* При этом ради чего? Ради некоторой экономии средств и для того, чтобы 2–3% выпускников российских вузов могли уезжать на работу по специальности в Европу. И для этого надо взорвать весь уклад вузовской жизни и организации учебного процесса, разрушить важнейшую подсистему российской культуры?

Мои предложения простые: взять все разумное из Болонского процесса. А именно: мобильность студентов и преподавателей, студентоориентированное обучение, усиление автономии и академических свобод с одновременными ответственностью и подотчетностью вузов, сопоставимость обучения и степеней, сочетающихся с разнообразием, образование в течение всей жизни, обеспечение высококачественных, гибких и индивидуализированных образовательных траекторий. Наконец, давайте на деле осуществлять то, что неоднократно записано в Болонских документах. В частности, в пункте 9 Декларации о европейском пространстве высшего образования от 12 марта 2010 г. указывается на *ключевую роль научного сообщества* — руководителей вузов, преподавателей, исследователей (ученых), административного персонала и студентов — в формировании европейского пространства высшего образования. Реализации подлежат суть, цели и задачи Болонского процесса.

Надо *сосредоточить основные усилия*, внимание и ресурсы на всестороннем обновлении содержания обучения с позиции передовой науки и практики. Следует всячески *стимулировать и мотивировать преподавателей* на творчество, научные исследования и самоотдачу, обеспечить приток в преподавательский корпус наиболее *способных молодых специалистов*, всемерно развивать активность и творчество студентов.

Для того чтобы это произошло, образовательным властям надо от формализма, бюрократизма и насилия над образовательным сообществом перейти к учету его мнения и взаимному сотрудничеству.

Но если мы действительно хотим получить более качественное высшее образование, то

необходимо учить в вузах минимум пять лет (пусть это называется бакалавриатом).

Ведь тенденция тысячелетий такова: из века в век развитие общества усложнялось и ускорялось, что вело к значительному увеличению объема накопленных знаний и количества лет, необходимого для их освоения. XXI век требует, чтобы *большинство* людей цивилизованных стран овладело знаниями, пониманием и компетенциями на уровне, который можно считать высшим образованием, а само оно *как по объему, так и по качеству* не может быть ниже, чем в предыдущем XX веке. Не случайно, как только у МГУ появилась большая, чем у других вузов, академическая и финансовая свобода, он тут же решил ввести шестилетнее базовое образование. Почему? Потому, что четырехлетний бакалавриат несовместим с качественным высшим образованием на уровне современных требований и вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузьминов, Я. И. (2007) Наши университеты // Высшее образование сегодня. № 10. С. 8–15.

*THE BOLOGNA PROCESS IN RUSSIA:
PROS AND CONS*

S. I. Plaksiy

(The National Institute of Business)

The article specifies the problems of the application of the Bologna process objectives and targets to the Russian educational system. The author defends the necessity of modernization of the higher education in Russia, but with a rational adoption of innovations, without excesses and break with conventional traditions.

Keywords: the Bologna Process, higher education, traditions, bachelor programme, specialist programme, reform.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Kuz'minov, Ia. I. (2007) Nashi universitety // Vysshee obrazovanie segodnia. № 10. S. 8–15.